

“Я МОЛИЛАСЬ ЗА ТЕБЯ ВСЮ ВОЙНУ, СЫНОК...”

Мокрые снежные хлопья летели, не переставая, в спину дул пронизывающий ветер, грязь вперемешку со снегом затрудняла ходьбу. Где-то далеко раздавалась стрельба, сталинградские кварталы замерли в тревожном ожидании. Был конец октября 1942 года. Рядовой Николай Богданович шел на первое в своей жизни боевое задание. Минуло всего две недели, как их, молодых ребят, только что призванных на военную службу, начали готовить к боевым действиям на передовой. И вот уже в составе маршевой роты идут на врага.

Показались корпуса тракторного завода, где-то левее остался Мамаев курган, но вдруг все почувствовали, как земля заходила под ногами. В один миг смешалось все: грохот орудий, взрывы, грязное снежно-дымное облако заслонило свет.

- За Родину! Ура! - эхом перекатывалось многоголосие: маршевая рота пошла в атаку.

После первого боя, после грохочущего кровавого ада от роты в 70 человек в строю осталось только трое.

- Страшно в обычном понимании только вначале, - рассказывает Николай Ильич Богданович, ветеран войны и труда. - А после что-то, видимо, перевернулось в сознании, и прежнего страха уже не стало.

Ветеран раскладывает на столе множество фотографий, аккуратные стопки документов военной поры, награды, альбомы.

Николай Ильич улыбается и продолжает рассказывать. Это красивый, открытый, эмоциональный человек, сохранивший военную выправку, легко узнаваем на снимках военного времени. Такой же стройный, только волосы седые.

Ранило его совсем неожиданно. Снаряд просвистел где-то рядом. “Пронесло”, - решил Николай и хотел подняться. Но

почему-то сильно прижимало к земле, а еще странный привкус ощущал во рту. Рукав гимнастерки наполнился чем-то теплым и влажным.

После лечения в госпитале попал Николай Богданович в прославленную 116-ю Сибирскую дивизию, в 656-й полк. Сразу в самое пекло, на прорыв Курской дуги, туда, где светлое утро от взрывов и гари превращалось в темную ночь. Было жарко не только потому, что стоял знойный июль. И днем и ночью дрожала от шума земля: стягивали технику, шло и шло подкрепление к Белгороду. Роту за ротой бросали на прорыв, не давая врагу опомниться.

На обратной стороне пожелтевшей от времени справки с истлевшими сгибами блеклая карандашная запись: "Погиб Вася Белов". Николай Ильич поясняет:

- Вася - близкий друг. На войне ведь быстро сходились, а боль от потерь оставалась навсегда. Погиб дружок на глазах у меня, во время обстрела...

А дивизия, освободив Белгород, шла с боями дальше, на Харьков. Август 43-го выдался в тех местах знойным, засушливым. Перед батальоном была поставлена очень сложная задача: овладеть железнодорожным пунктом.

- Враг в окопе прочно закрепился, - продолжал Николай Ильич, - а мы в атаку поднялись в полный рост. Несколько раз наступали, в результате сильно вклинились в расположение противника и оказались отрезанными от наших. Не было питьевой воды, пищи, питались кукурузными початками с поля. Вдруг обнаружили туннель под железнодорожным полотном. Это был единственный спасительный путь. Но туннель простреливался, и все же было принято решение пробираться вперед. Завязался жестокий бой. Цена его - сотни жизней. Из батальона в 700 человек пробрались через туннель и вышли к роще около 15. Тут подоспела помощь, и противник был отброшен от железной дороги.

А пехота шла дальше, на запад. И мелькали названия городов, сел, рек. Осень 1943 года. Остался позади Кременчуг, форсировали Днепр, а затем в составе Корсунь-Шевченков-

ской группировки - Днестр. И снова вперед, уже на молдавской земле: освобождены города Флорешты, Сороки, Бельцы... Легендарная 116-я Сибирская подошла к границе Румынии.

- Когда форсировали Прут и вошли в Румынию, - говорит Николай Ильич, - желание остаться живым возникло с новой силой. Пока были на родной земле, об этом не думал, знал, что шел на смерть. Но когда Родина оказалась позади, так захотелось вернуться домой.

Однако война распорядилась по-своему. Солдат был контужен в одном из боев и направлен в медсанбат.

А потом были бои в Польше, прорыв Сандомирского плацдарма, Восточная Пруссия. И опять пехота отмеряла километры по чужой земле.

Однополчанин Григорий Голубь, артиллерист, говорил Николаю:

- Смотрю я на вас, пехоту, и удивляюсь, как вы выдерживаете, вечно в грязи. в воде, а ведь еще и оружие надо чистым держать... Мы то что, мы на технике...

Войну завершил в Чехословакии, где застало его известие о победе. Вот так сержант Николай Богданович прошел пол-Европы, от Сталинграда до Праги. Ему выпал счастливый жребий - остаться живым.

Улицы Праги сияли огнями и улыбками. Играли оркестры, на площадях кружились в вальсе пары. открыли двери рестораны и кафе. Столица Чехословакии встречала своих освободителей.

Ордена Славы и Отечественной, две медали "За отвагу" и другие украшали гимнастерку вернувшегося домой солдата.

- Я молилась за тебя всю войну, сынок! - такими словами встретила его плачущая от счастья мать.

И началась другая жизнь - мирная, в которой тоже было немало событий, проблем и радостей. С 1959 года работал

Николай Ильич в Краснобродском ПТУ машинистом тепло-воза, добавив к боевым наградам два ордена за труд.

- Знаете, а дочка моя с внучками вот уже восемь лет живет в Германии, - так неожиданно закончил ветеран свой рассказ и задумался о чем-то своем, не в силах вырваться от нахлынувших воспоминаний.